

Постмодернистская граммота

Олег Ланхолин

18+

Олег Ланхолин

Постмодернистская грамота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243843

SelfPub; 2024

Аннотация

Тарабарщина ужинает вкупе с гламуром. У чепухи сапоги всмятку. Абсурд полемизирует с лакшери о принципах мироустройства. Нонсенс критикует излишество, но ничего не предлагает. Заумь полагает, что изящество уж очень претенциозно. А чем занята ахиня? Интересинг.

Олег Ланхолин

Постмодернистская грамота

– Суета сует.. – изрекла состарившаяся не по столетию сеньора. Впрочем – давным-давно не семейная.

Светлана, стало быть, имя собственное, помню. Сохранилось, к счастью. Сивый сессон, седовласка. Скучающее созвучие в голосе, сопрано. Леди не мадемуазель, но и не мадам, разумеется. Спекулянт, или же спекулянтесса сколь сегодня общеустановленно. Семёнович, Шпаклёвщик какой-никакой.

– ..и всё суета? – сочувственно осведомился скудненький сорванец.

Её сиятельство замкнуто задумалась, вслед за тем созвучно протянула сладость в раздольную пятерню соплежуха:

– Да, солдатик, всё суета...

Кхм, солдатик? Бенджамин, что ли?

Сынишка, что чудно. Стремительнее бы осесть в автобусе.

– Спасибо, мамуль! – с неприкрытой отрадой в голосе отозвался мальчонок и цапнул каштановую конфету.

Употреблять, но не злоупотреблять. Способны ли?

Сволокши лоснящуюся обёртку в мусорку, взор чада повстречал скитальческую собаку с кутятами. Последовал

спрос, а за ним предложение:

– Мамочка, а папа когда приедет?

В отражении глаз паренька тлело упование; в отражении глаз родительницы блистал твёрдый ответ – ни в юдоль.

– Скоро, сыночек, скоро.

Сердцу не предпишешь, она силилась. Куда ни гляну – непроходимые терзания по свалившим. Столь неприглядная планида.

Слабо просвечивает тачскрин смартфона из сумочки, как сумеречные лучи со спрайтами. Малец уже не взирал на неё – сосредоточился на сласти. Колеблюсь, что первоклассник. Самый сосредоточенный в садике. Светловолосый, синеглазый, странноватый.

Неотложка сломя котелок промелькнула мимо несгибаемо стоящих сканий, субару, сузуки и ссанйонгов. Со скоростью куда приткой, чем в полусонные дни. Словно что-то нешуточное содеялось. Стрёмно было бы угодить в её пассажирские сети. Хотя, смотря с кой сторонки посмотреть на ситуацию. Сыграть в саркофаг от прецедента к прецеденту – это дискуссионное, но избавление при всём при том. Хотя Ни и Мо навряд ли ударят по рукам.

– А больше нету? – снабдившись няжкой запросил новую порцию Сашенька.

Брелок на ранце с настоящим именем. Котомка, сумка. На эллина похож. Больше нечем полакомиться!

– Нет, свет мой, только парочку сосательных конфет сбе-

регла. Хочешь? – сердцещипательно спросила маменька и принялась взбалмошно матрикулировать в ридикюле.

Эврическое брависсимо. Восклицание восклицательного знака. Надобно посмотреть счёт в Сбере. Тщетно сюсюкается, опосля сложней поделается. Пестунья, каковая кровинушка, по мне знает. Не суди сам, да не судим будешь. Тёнька с весами, повязка на зрачках, в длани меч вместо рога благосостояния, так римляне постановили. Вседержитель им арбитр.

– Не хочу. – сказано с завидушим угрызением.

Фамильный саботаж, разумею его. Дерёт суть – добряки в склепе, а нахалы пируют. В могиле никак нет карамели, кто бы что ни вещал. Павловский скотовоз припаздывает на семь мгновений и столько же миггов. Сомнительно, но может быть, баржавельский Сен-Мену поразил старикана извозчика, вследствие этого его отпрыск по сию пору не явил себя? Точнее говоря, не явился на свет. Постоянство – могущество мастера, как толкуют; но хилость опаздывающего, а так нынче не лепечут, я же проронил. А ведь граждане почитают секунды, серчают, лампа накаливания прям, сдерживаются покамест. Жалко, самураи не обитают у нас, а то посчитали бы за комплимент. Едет! Не та... Ржаво-рыжая буханка, как покрашенный сдобленник, содержательные круглешки и созвездие с копающим человечком. Лимонно-соломенная или канареечная, стрелочки серебристые, абрисе на вязках кисти смуглые, а галифе и спортивные соразмерны субъекту. Сякой

себе пошиб, хотя в доподлинной пригожести подряд изъян.

Наново синтоисты стались правы со своими ваби-саби!
Пролетарская же, несущественно.

– Бале сахттар нигоҳ доред! – скрипучее стенание гражданина со скандинавской бородой.

Явление уитлендеров публике, наконец-то.

– Ох, хозир сиз буни о’зингиз киласиз! – сыпучий отзвук более бородатого мужчинища.

Да, господина. Веяние времени: вентилятор выдувает криоконит из оста. Вновь полнотелая остановка, откуда столько граждан. Вавилонская мессалина. Нет, голландца. Мигдаль Бавель, столпотворение.

Склейка, переключение. Не монтажная – авторская, инновационная.

Щелчок.

– Поехали уже!

– Мы не можем.

– Посему нет?

– Мы поджидаем маршрутку.

– Ааа...

Предвидеть да нагонять. В ожидании Кого?

Господин-гражданин, гражданин-господин. Исконный почитай. Свидетельствовал, не хочу доедать суп, припозднююсь. Но неужто ей откажешь, пристало. Капуста как водоросли плавала, занимательно. Непочатый край картошки, не боготворю картофель. Острее, пересолить – вот это ресто-

ранный вкус. Аппетит, где, период жратвы же. Снова спамят, заблокировал тысячи, откуда до такой степени вагон номеров. И объяви амнистию нам за долги наши, как извиняем должникам нашим. У неё почки хворые, кряхтение часто, а таблетки не очень. Оболочка, внутри пустозвонство, как там именуется. Эти. А, панацея, во. Таковую бы от вопросов. Или даже парочку, а лучше упаковку. Привольный. Тридцатого день появления на свет, а тридцать первого – Самхейн. Зарождаюсь я, а следом порождается смерть. Четыре, ноль, три. Едет, в конце концов. Свежий ветер. Розвязь.

Надпись на потылице. Её, остановки. Поэма отечеству от МС-Нейросеть:

Солнце сияло над синевой морской глади, учреждая скользкие сферы рассвета.

Энергичный смородиновый сок феерически подновлял знойный летний день.

Бестрепетный паломник шествовал по алебастровым макушкам, счастливо смеясь и вольготно дыша.

Сорванная сирень ележно дышала в саду, словно сотни сумрачных роз хорошели синхронно.

Скрип престарелой скрипки втискивал в сердце медовую тоскливость и строгое раскаяние о растерянных мечтаниях.

Путь долог – путь пройден. Приветствую тебя, универси-

тет, новоиспечённый мордоворот здесь. К горлу подкрадывается абстракция. Культурная апроприация, интерпретированная в следующих строчках:

Скажем, дисморфофобия чёрноречивей целого выражается в те моменты, когда он останавливается подсластить лёгкие палёным папирусом марки Herzegovin'я Гной. Хелгин Оскаминский находит решение, что в лаптях фактов нет да нет, и садится на изрыганную скамью со сломанным позвоночником. Основание соснового биселлиума весьма продавлено и обессиленно под непереносимой грузностью истёкших арендаторов. Может иметься, это вы корпели? Чьё бы майонезное седалище мычало. Запираю глаза и как чёрт из коробочки вырастает кошмарное видение. То, что приходится отмечать, я очерчиваю шёпотом, но громогласно:

– Вокруг меня в припаромном округе лоснятся валуны и глыбы всевозможных пород, острые словно индийские специи и тувинские лезвия. Я же восседаю будто на троне, сиречь, как на самом исполосованном волнами электрическом престоле. Поганый берег реки Орлеи без изумления спокоен, а мимика моего юродиво-уродливого лица тарашится в сторону эль-Бахр-эль-Мейт вдобавок имитируя, кто бы мог счесть, – беспросыпное счастье...

Неужли эдакое осуществимо? Эклектизм этого нарцисса и концепции счастья? Конечно же, нет, ведь он дюжинный, ординарный и азбучный недоросль, который этак и не обрёл эпистола от обитателей розоволицего дома на улице Зорге.

Меня замотала темь первозданного ужаса. Того самого страха, о каком изысканно малевал Томас Заговорщик. Зряшные старания ущипнуть стегно, токмо бы борзее продрать глаза, – не доставили и малой толики плода, зато удалось себя ущемить... с тех часов, как она ушла – всегда получается. И нынче, и пресно, и в объятиях оков. Однако воспрянуть от Морфея ему подсобила загадочная незнакомка. Кто такая Она? Не Анна, а Саманта. И даже подобная не наличествует.

Пересоленная начинкой ладошка шлёпнулась ему на ключицу, и треклято явленное видение, закончилось на самом неинтересном пункте. Романеска сыграна! По-видимому, у меня ксантопсия. Ж. был взаправду прав – мы все незалечимо больны. Иль это тоже грезится мне?

Он со скрипкой поворотился и узрел косоглазые губы. Дама. Нет, все же старуха в возрасте предупокоения. Вновь бабка. Уста подвздутые словно батуты. Кифоз вовсе как у Эфиальта. На языке тотдвчас замельтешила матершина, но старушка обскакала:

– Подайте Артёмки ради целкового по сотке за бакс, и.....

Четыре точки, своеобычное многоточие, любопытно. Да нет же – пятёрка пунктов, о мой гад, ещё гаже.

И недоговорила, а ведь договор строит печь; а печь строит тепло; а тепло строит сон; а сон строит сны; а сны строят кошмар; а кошмар строит страх; а страх строит пот; а Пот строит Почтовый парусник; а что строит Джек? а Джек стро-

ит дом. Верхний Ларс Из Триллер, а воспитатель его из города Тарки.

– Ты, точнее, Вы, точнее, Мы, точнее – спецэффектная передышка, – недоговорила, точнее, недоговорили, точнее, недоговорили. Неточность, нужна кучность. Кучер везёт Катчера на скачки.

Нерукопожатная, недоговороспособная, нерукотворная. Театральный манер старухи изображающий фигуру кончины и отвергающий образ стана, а как по-иному, ведь годы подводят с виду, а готы подводят глазки.

Вероятно, перед нами та самая Морская Пехота. А может, и нет. А на нет и суда нет. Посудина. Нет так нет. Не хошь кулеш, ничего не ешь. Не хочешь – как хочешь.

– Я говорю – денег дай мне, сыночек. Немнога. С гулькин нос.

Теория относительности в прозаичности. Супермегауль-трагипер олд Эйнштейн возьмёт в толк.

Здесь на подмостках проступает Квентин и врубает шарманку:

– А я говорю – немнога, это сколько именно бабуль?

– Немнога – это, на крайних ни мало, а то и много.

Кот наплакал.

– По-другому говоря – немнога – это ни много ни мало, я правильно понимаю?

И запела:

– Только этого мало...

– Стоп, стоп, вот только этого не надо тут.

– Кого не надо?

– Всего не надо. И так уже много чего есть.

– Мал да удал ты, птенчик.

– Если дам парочку двадцать один ноль один, хватит?

– Не совсем. Слушай, ты мне на мозги не капай, голубчик, а то пожалеешь.

Бомжёвские войны: Нескрываемая угроза. Прыг-скок в ширли-мырли и через перекасти-поле к премьер-министру сетовать. Шибай, Изергиль.

– Так, так, так. – возмутился. – То есть ты подошла ко мне за деньгами на синьку, я тебя сердечно слушаю и даже сопереживаю, а ты в ответ грозишься?

– Ну что ты, ненаглядный, я тебе не угрожаю. Тебе не впервой экое слышать. Ни капельки не требую. Всего-навсего то вымолвила, что пожалеешь.

И справедливость. Казнюсь константно. Жало устремилось в жилистое желе и вскоре заржавело, а мнил, что за мной не заржавеет. Ржавчина Ржева мазками заржавелого тона.

– Ладно, ладно. – подытожил. – У меня отсутствует время на полые, постмодернистские разглашения секретов и сбивчивые разглагольствования о естестве бытия; на слежку за направлением иноземной валюты и декламацию нравственных максим; на розыск шаманов изблизи Улан-Удэ в компании с ЭД-Э. Повторюсь: я неизменно развожу тары-бары по

делу. Конспективность – так кличут мою троюродную сестру, которая осталась обретаться где-то в степях Семиреченска.

– Так, ведь шаман не в Верхнеудинске водится, а где-нибудь на фабрике беспилотиков около Новой Москвы.

Старуха-приставала от приставов сбежала. Теперь стоит над душой, что я буду делать. Стоик в душе и душе предаётся кумеканию – таким образом ведаю себя, доколе купаюсь. Расписная стоя, распинаюсь сидя.

– Всё, хватит извержений вулкана Пустословий! Сколько нужно зелёных? Дело сделаем и разбежались.

Мимика живописала Джокеровскую ухмылку и здесь затеялась опера под заглавием «Дисгармония»:

– Сто монет номиналом десять рублей. Материал: сталь с латунным гальванопокрытием. Латунина? Брр, проснись. Сбоку: пять участков по три рифа и два участка по восемь рифов, чередующихся с девятью гладкими участками. Диаметр: тридцать три миллиметра, все красавцы удалые. Салтановый Султан. Толщина: три целых тридесятых миллиметра. Масса: пять целых шестьдесят три сотых грамма. Сейчас бы хоть сколько-нибудь граммов, эх. На грудь имеется в виду. И того: миллиметров пять три пятого, восемь два, пять три где-то десятых миллиметра, монета. Не Лиза у карниза Карамзина, а обычная, на сдачу которую дают. Всем дают, но не мне. Грустный смайлик.

Фух, вот это я величаю – эпос по-русски. А вы всё – Рос-

сиада, Хрисаида, Генерация Р.

– Так бы и сказала сразу, реликвия, – утешился, – а то морочила мне голову четыре двадцать минут третьего сентября. Теперь всё понял. Совсем иной разговор на базаре с асортиментом из двух овощей, ведь так?

– Так. А деньжата дашь или чо?

– Я-то дам, только сколько в округе Даш? Не подскажешь?

– Ухо на ухо. Да ты толковый как ворон.

– А я думал сова...

– Итог всей пьесы какой?

– Такой – зачем тебе презренный металл однако?

Старушенция засмушалась, захохотала, захихикала, загоготала, закатилась, залилась, запилась через и, запилась через а. Курносенькая гримза.

– Ты чем слушаешь, мальчик? – возмутилась. – Я же как подошла, сразу сказала, что капитал собираю для Артёмчика? Сынок он мой. Миниатюрный, любимый, чуть только тридцать лет изродясь.

Тучи разженились как в море корабли. Банально-тривиально, избито-заурядно, трафаретно-утилитарно. Это буднично, Шланговов!

– Так может, ты своему Тёмычу собралась приобрести горючее?

Мертвенно-бледный змий в ларинкс и шатун-болтун удобрен на манер кроасана. Рассудок станет пьян как фортепьян.

– Даже если так – твоё какое дело? Финансы либо дай, либо я ковыляю потихоньку, и обо мне ты забудь.

Пан или пропал. Польский Пан или пропан. Скифский Пал или Древнегреческий Пан. Краситель Пан или Чугунный Пал. Насколько видимо-невидимо вероятностей вручает слог, филологи не дадут сфальшивить.

– Сомнительно, но окэй – держи. – проговорил и передал лавэ. Всецело, как заказывала. На том и порешили, тем и согрешили. Не жалостно, а точила лясы, что буду сокрушаться. В обозримом грядущем мэйбивилл би.

Престарелочка содеяв офицерский разворот, пустилась к порожкам своих родных пенат. Если у неё они есть в обладании, оф корс.

– Благополучной тебе дороги, державный клошар! – возжелал ей фортуны. Кто? Я. Лучших побуждений после свободных пробуждений.

Эфир заполнился теплотой взаимоотношений:

– Стези? Там, куда я отправляюсь, дороги непотребны.

Напоследок владычица без определённого места жительства совершила реверанс, хотя нет, всё же книксен. И? И улетучилась.

Путь пройден – путь вспять. Прощай, университет, давнишний страшила удаляется. Из горла вываливается абстракция. Премало неблагодарен. Увертюры больше нет, жители галёрки вольные. Эльфа не позабудьте.

Следом в анамнезе – заключение. П.с. Зы. Довесок к ли-

нии героя сего творения, дабы пропесочить гляделки на происходящее. И то – едва ли удастся, ведь правды нет и нет, а после, где её нет – ничто не воистину и всё позволительно.

Ахтунг!

Тарабарщина ужинает вкупе с. Гламуром. У чепухи сапоги всмятку. Абсурд полемизирует с лакшери о принципах мироустройства. Нонсенс критикует излишество, но ничего не предлагает. Заумь полагает, что изящество уж очень претенциозно. А чем занята ахинея? Она пытается исцарапать распрекрасное личико помпадура. Белиберда, абракадабра, галиматья, и, надутость, шик-блеск, щегольство освидетельствуют приёмы Али где-то среди гаражей, в среде алкашей. Зюзя, хроникал.

Это и есть постмодернистская грамота. Амурный поцелуй иронии и глянца в цирке с конями.

Закрепится не позднее 2030 года. А ведь цифры не люблю.